

Мягкая обстановка

ГАСТРОЛИ МОСКОВСКОГО МАЛОГО ТЕАТРА
рекомендует Кирилл Гремин

«Ревизор»

ЗА ДВЕ С ЛИШНИМ ГАСТРОЛЬНЫЕ НЕДЕЛИ столичный Малый театр покажет примерно треть своего репертуара. Каждый из девяти спектаклей сыграют по два раза, справедливо прогнозируя повышенный интерес. В России любят литературоцентристский театр, где главное — актерская игра и где режиссер ограничивается ревностным исполнением воли автора. Название «Дом Островского» характеризует Малый не только исторически (всегда много ставили и сейчас много ставят): в театре до сих пор ценят бытописательство, опору на актерский ансамбль, комико-

«Власть тьмы»

вание без надрыва. На эти спектакли может смело идти стар и млад. Когда Малый посвящает свою премьеру 250-летию русского театра («Ревизор» 2006 года), нет ничего более естественного: в 1836 году не слишком удачно поставили в Александринке, а вот теперь в Малом — кажется, ее так с тех пор и играют.

Каждый из спектаклей и все они вместе как бы иллюстрируют хрестоматию русской литературы для средней школы. Все основательно, узнаваемо и колоритно. «Три сестры» — правдоподобные интерьеры усадьбы Прозоровых, на горизонте мираж русского счастья в виде березовой рощи, в сцене пожара красиво подсвечен дым и добросовестно дымятся кучи листьев. Иногда такая буквальность смот-

рится почти карикатурно, как во «Власти тьмы», в которой театр до конца XIX века с закопанным в погребке младенцем играют в интерьерах сказки «Морозко».

В Петербург привозят работы пяти постановщиков, троих из которых можно назвать режиссерами достаточно условно. Следуя традициям Малого как очага актерской режиссуры, худрук театра Юрий Соломин режиссирует спектакли («Власть тьмы», «Ревизор», «Три сестры») и сам в них играет. В актере умирает и старожил Малого Владимир Бейлис, поставивший «На всякого мудреца довольно простоты» Островского и «Тайны мадридского двора» образце высокого парижского бульвара XIX века Эжена Скриба. Бульвар пониже, бульвар московский поставил Анд-

рей Житинкин в честь юбилея Элины Быстрицкой, это салонная комедия «Любвиный круг»; юбилярша играет в ней — вот так неожиданность — не героическую, как обычно, а характерную роль.

По-настоящему повернуться лицом к режиссуре Малый пытался дважды. Первый раз — когда пытался закрутить роман с поставившим три спектакля Сергеем Женовачом. Самый яркий из них («Правда хороша, а счастье лучше») уже привозили весной 2009-го, теперь осталось дебютное «Горе от ума» и далеко не бесспорный «Мнимый больной» — в нем мольеровская сатира, насмешка и желчь несколько поблекли в связи с тем, что Женовач привык мягко обставляться вечными ценностями.

Вторая попытка произошла в нынешнем сезоне, когда Адольф Шапиро поставил горьковских «Детей солнца». Они и есть главное событие нынешних гастролей — один из самых глубоких русских режиссеров ставит в Москве спектакли все более странные. В уходящем сезоне в Петербурге складывается занятная арка из столичных работ Шапиро: мхатовский «Вишневый сад» привозили осенью, теперь показывают «Детей солнца», а Горький, как известно, писал про конфликт интеллигенции и народа, полемизируя с чеховской пьесой.

ДК Выборгский, «Ревизор», 14 и 15 июня, 19.00; «Власть тьмы», 16 и 17 июня, 19.00

Медная Лиза

МАРИЯ ГУЛЕГИНА В «НАБУККО» И «ПИКОВОЙ ДАМЕ»
рекомендует Дмитрий Ренанский

ПОЯВЛЕНИЕ ЗВЕЗДЫ МАРИИ ГУЛЕГИНОЙ должно, пожалуй, оживить два мариинских оперных муляжа — ставшую за четверть века артефактом «Пиковую даму» Юрия Темирканова и недавнего, но несвежего уже на премьеру «Набукко» Дмитрия Бергмана. Две важные сопрановые партии можно увидеть и услышать живьем в интерпретации, вошедшей в историю на аудио- и видеонасителях. В прошлом году Гулегина пела «Набукко» в Мюнхене, Вене и Вероне, а «Пиковую» — в Метрополитен-опера. В Петербурге оба спектакля пройдут под управлением Валерия Гергиева. За то время, что он работает с Гулегиной, они не просто достигли полного взаимопонимания; нет другой певицы, которая была бы так творчески похожа на Гергиева. У обоих редкий дар стучать музыкальное до телесно-осязаемого. Когда он в яме, а она на сцене, между ними простреливает высоковольтная дуга, и ее КПД в «Набукко» и «Пиковой даме» весьма высок.

То, как Гулегина поет заглавные женские роли Чайковского и Верди — Лизу и

Абигайль, — признано абсолютным эталоном. Они действительно отлично подходят певице и по тесситуре, и по тембраменту. Хотя в случае Гулегиной голос не столь важен, как все остальное. Чисто вокально в «Пиковой даме» ей далеко до сонма выдающихся русских Лиз, а в партии Абигайль — до Гены Димитровой (плащ которой развевался как у всадницы апокалипсиса) или породистой Каллас. Между тем именно две эти партии, а вовсе не Турандот или, скажем, Норму, считают главными достижениями Гулегиной.

Возможно, дело в том, что она слишком хорошо понимает этих двух героинь. Родилась в Одессе, дебютировала в Минске, за свой роскошный голос была пожираема в провинциальном театре. Отработав ставку в рядовых спектаклях, уезжала петь в La Scala с Лучано Паваротти («какая Ла Скала, ездит, наверное, приторговывать», злословили коллеги) — а потом раз, и завоевала оперный мир. Так бесспорно, что когда жрец-интриган гово-

рит Абигайль-Гулегиной «ты должна править», — вопросов не возникает. Должна. Но играя Лизу и Абигайль, Гулегина играет таких же наделенных голосом бастардов, как и она сама. Ей близки чувства незаконнорожденной дочери вавилонского царя Навуходоносора. Она поет не богатую внучку графини, а пушкинский прообраз — нищую воспитанницу, мечтающую о красивой жизни.

Ей как никому сегодня удается быть непреклонной, проклинать, грозить отмщением и страстно любить, свергать противников и упиваться триумфом — а потом, оставаясь непобежденной, принимать яд. Гулегина это концентрат оперности, того, за что музыкальный театр любят и ненавидят. С годами она набрала вес, но свою фактуру не маскирует, а чуть бессознательно выставляет напоказ. Утрирует образ, местами производя вульгарное и почти карикатурное впечатление. Вроде бы она совсем не divina — но в некий трудноуловимый момент происхо-

дит многократно описанное оперное чудо: вампука превращается в откровение. Это как с музыкой раннего Верди, когда в бесконечных ум-ца-ум-ца вдруг проступает метафизика. Летом Гулегиной исполнится пятьдесят; надо поторопиться послушать не только ее, но и ее партнера в обеих операх, самого интересного из молодых мариинских теноров Максима Аксенова.

Мариинский театр, «Пиковая дама», 13 июня, 19.00; «Набукко», 17 июня, 19.00